

Некрасов
Виктор

16.06.2001

Ему достались и слава, и проклятья

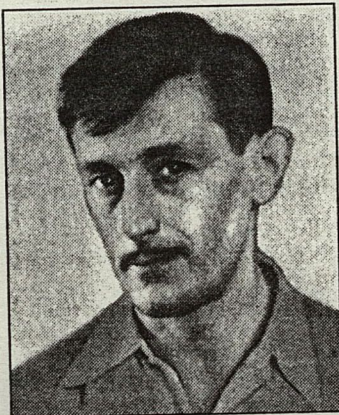
90 лет назад родился Виктор НЕКРАСОВ

А ведь мог бы дожить до девяноста, и мы бы с ним выпили по сто грамм. Ведь я же помню его маму, которая и после девяноста лет сохраняла светлую голову, они очень трогательно друг о друге заботились, а мама все беспокоилась, каково Вике будет без нее.

В ПЕРВЫЕ я увидел знаменитого автора самой правдивой книги о войне "В окопах Сталинграда", когда студентом Литинститута протырился на пленум Московской писательской организации. Обсуждалась проза "Нового мира". В центре внимания была повесть Виктора Некрасова "В родном городе". Повесть критиковали записные ораторы, но собрание знало: такая критика — предвестник новой славы. После собрания Некрасов, провожаемый почтительными взглядами, спускается в вестибюль. Проходит в двух шагах от меня. Молодой, коротко, по-военному стриженный, черные усики, ироничные глаза. Небрежно роняет своему спутнику: "Подумаешь — по-критиковали. Ведь не убили".

Сколько силы было заложено в этом человеке! После тяжелого военного ранения, после взлета (Сталинская премия) начались нудные литературные проработки за каждую следующую книгу. Потом Некрасов выступил на митинге в Бабьем Яру, и официальный Киев ответил ему оголтелой травлей. Писателя перестали публиковать, сняли со всех постов, исключили из партии. Гордость советской литературы, пожилого писателя-фронтовика выбрасывали из страны. В письме с грифом "секретно" в ЦК КПСС первый секретарь ЦК Компартии Украины Щербицкий так обосновывал "целесообразность" этого шага: "Некрасов является морально разложившейся личностью и по своим возможностям вряд ли сможет за границей играть заметную роль в антисоветской эмиграции..."

Как всегда ошиблись партийные чинуши, и Виктор Некрасов в эмиграции стал, пожалуй, самым уважаемым и любимым челове-

Таким его помнят уже немногие.

ком. Некрасов принимал участие во всех эмигрантских конференциях, объездил с лекциями все континенты, написал несколько книг. И вообще, все, что касается творческого потенциала "морально разложившейся личности" — мне ли его не знать? Ведь мы с Некрасовым порешили: чтоб в Париже у него не было никаких материальных забот, ему надо делать десять передач в месяц. Я был его редактором в парижском филиале радио "Свобода" и пил, что называется, "кровь стаканами", иногда заставляя выполнять норму. Писать ежемесячно по десять статей Некрасову было крайне трудно (теперь, достигнув его возраста, я удивляюсь трудоспособности Виктора Платоновича).

Некрасов был прекрасным рассказчиком и помнил массу занимательных подробностей из литературно-политической жизни Киева. Увы, я должен был выступать в роли цензора, я хотел, чтоб все его беседы шли в эфир, поэтому многое оставалось за бортом. И я говорил: "Вика, о том, как вы бежали с этим парнем за вод-

кой, ты расскажешь потом, отдельно, в кафе. А вот то, как он тебя продал на партсобрании, будет интересно нашим радиослушателям".

Некрасов был внимательным читателем всех советских литературных журналов (мы в бюро получали всю советскую периодику) и радовался, когда находил в них удачную повесть или рассказ. Особенно он любил обзирать прозу "Нового мира", отмечая в первую очередь все хорошее, что там напечатано, а потом меня спрашивал: "Ты не знаешь, почему меня до сих пор не сделали членом редколлегии "Нового мира"?"

Оккупация Афганистана была страшным ударом для Некрасова. Ведь Красная Армия была частью его прошлого! Он гордился, что воевал в Красной Армии, но в армии-освободительнице, не в армии оккупантов.

Благодарное Отечество не забывало числить Некрасова в ряду предателей и отщепенцев. Даже при Горбачеве, в начале перестройки, в "Крокодиле" был опубликован фельетон о парижской эмиграции, где Некрасов был нарисован на фоне Эйфелевой башни, нищий, с протянутой рукой...

Последний год своей жизни Вика мужественно боролся с болезнью. Он повторял, что "сцены у постели умирающего Некрасова" не будет, и встречался с друзьями в парижском кафе на Монпарнасе.

Второго сентября 1987 года произошло чудо: мы в бюро получили газету "Московские новости", где была опубликована статья Вячеслава Кондратьева о том, что не может быть советской военной прозы без некрасовских "В окопах Сталинграда". Наша сотрудница поехала в госпиталь к Некрасову и показала ему газету. Вика прочел и заплакал. На следующий день он умер. Последние его слова были: "У меня ощущение, что меня ударили мордой об пол".

Анатолий ГЛАДИЛИН.

Париж.

Рос. газета. — 2001. — 16 июля. — с. 2